

## **РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЭЛИТАРИЗМ И ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ**

*А.В. ЯСТРЕБЦЕВА*

*Нормальная школа есть образ университета,  
как университет есть образ Франции.*

Виктор Кузен.

Объектом особого интереса современных западных и многих отечественных политических философов вот уже несколько десятилетий является так называемый университетский вопрос, рассматриваемый в условиях развития демократии через призму ее основных ценностей – равенства и свободы. Актуальность этого вопроса для политической философии связана не только с «кризисом» самого университета, но и с необходимостью определения целей и задач национальных политик в условиях глобализации. Для многих стран (в частности, России и Франции), чья национальная целостность поставлена сегодня под сомнение, решение «университетского вопроса» является одним из средств воссоздания национальной идентичности, используя высшее образование как задающее своего рода тон возрождающемуся патриотизму. В XIX столетии Франция уже столкнулась с этой проблемой, и потому анализ выработанных тогда решений и поставленных проблем является полезным и своевременным в современную эпоху.

### **Университет как условие национального единства**

В национальном государстве университет должен быть оплотом единства национального знания и гарантом нового патриотизма. Так, французский мыслитель Э. Лавис в своей работе «Вопросы национального образования» (1885) отметил необходимость взаимосвязи между публичными начальными школами и университетами: высшее образование, как и начальная школа, по его мнению, должно способствовать развитию национального чувства. И тогда университет есть ни что иное, как пробирный камень в том смысле, что именно в его стенах происходит формирование «великих» умов.

В своем письме к Бертело от 10 сентября 1878 г. Э. Ренан писал, что патриотизм в то время вошел в моду, и как революционное и реформаторское сознание конца XIX в. было уже не способно до конца понять умы XVII – XVIII вв., так и понимание того, что есть патриотизм, будет утрачено через сто лет. Об этом же Э. Ренан говорил и в своей лекции «Что такое нация?», прочитанной им в обновленной Сорбонне. Примечательно, что в реформистской риторике эти понятия во многом связаны с идеей истощения морали и утратой особого вкуса к трудоемким исследованиям, что, согласно Ренану, привело к «сумасшедшим военным декларациям»<sup>1</sup>. «Специальные школы», созданные Французской Революцией, и наполеоновский университет формировали только «специалистов», «профессионалов», неспособных составить костяк той элиты, в которой так нуждалась Франция, и которая «задавала бы шаг за шагом тон всей нации». И как отмечает Э. Бутми, «воссоздание главы народа – вот то, к чему нас все возвращает. Высшее образование непосредственно и в первую очередь имеет отношение к политическим проблемам»<sup>2</sup>.

Эта интерпретация Бутми может показаться оппортунистической. В действительности он возлагал большие надежды на создание в рамках специальных школ «факультета политических наук» – своего рода эмбриона будущего Института политических исследований и Национальной Административной школы. И эта идея не случайна: она возникла в связи с закрытием в 1848 г. Открытой административной школы по инициативе министра общественного образования И. Карно. Франция лишилась учебного заведения, в котором целенаправленно готовили будущую административную элиту. Свободная школа политических наук, вскоре переименованная в «Сьянс По», основанная в 1872 г. Э. Бутми, была частным учебным заведением, субсидируемым крупными финансистами под патронажем И. Тэна, который набирал учеников из числа крупной парижской буржуазии и интеллектуальных кругов. Таким образом, для Бутми понятие элиты замыкалось исключительно на высшей политической администрации, однако в целом его деятельность также повлияла на разворачивание широких

дискуссий по поводу реформирования университетской системы на страницах крупных журналов: «Международный журнал по образованию» и «Голубой журнал».

### **Университетская и социальная политика**

В 1875 г. во Франции университет официально был признан общественным институтом, что стало основанием для выработки университетской политики как органической части социальной политики (наравне с политикой в области здравоохранения, социального обеспечения, занятости и т.д.). В основу университетской политики был положен принцип равенства условий. Последнее может быть истолковано двояко. С одной стороны, под равенством условий подразумевается отсутствие дискриминации как в отношении преподавателей и административного персонала, так и в отношении студентов, которые существуют и взаимодействуют в едином университетском пространстве по принципу личных «добродетелей и талантов». С другой стороны, равенство в более широком контексте признается в качестве высшей ценности, согласно Декларации прав человека 1789 г.

Демократический принцип равенства предполагает закрепление за каждым индивидом права на доступ к образовательным и культурным ресурсам. И хотя в Декларации не было такого рода утверждения, сама идея равенства в доступе была провозглашена еще Французской Конституцией 1791 г., где говорилось о намерении создать публичное образовательное учреждение, общее и бесплатное для всех граждан. Широкие дискуссии, имевшие место в 1791 – 1793-х гг. по этому поводу между Кондорсе и Робеспьером, привели к ликвидации университетов на целое столетие по двум основным причинам: во-первых, средневековый университет не соответствовал новому юридическому порядку, разрабатывавшемуся с начала Революции, и, во-вторых, его задача не виделась отныне в воспроизводстве «аристократии» с помощью высшего образования, которое ранее формировало своего рода «касту ученых», ставя под сомнение принципы всеобщего равенства. Не останавливаясь на этом эпизоде подробно, хотелось бы все же отметить, что именно

выше указанные Конституция и Декларация вдохновили на детальную разработку идеи всеобщего равенства в доступе к образованию. В этой связи важно подчеркнуть, что принцип бесплатного получения базового образования непосредственно вытекал из признания всеобщего права на получение доступа к образовательным ресурсам.

Во французской традиции наиболее значимым декларативным документом, провозгласившим «организацию публичного образования на всех уровнях» в качестве «долга государства», при том, что «это образование должно быть бесплатным, а обеспечение всеобщего права на образование должно сопровождаться материальной помощью тем, кто в этом нуждается для обеспечения обучения», была Декларация прав человека, добавленная в 1946 г. к первой версии Конституции IV Республики. Эта максималистская формула, требующая указанных выше условий для всех уровней образования, стала одной из причин, по которой первый вариант Конституции был отклонен. Интересно, что Конституция 1958 г. уже ничего не говорила по этому вопросу. Таковы были основания, которые оправдывают выработку оценочного подхода к университетской политике, исходя из двух следующих критериев: равенство людей и равенство в доступе к образовательным и культурным ресурсам, в том числе, к высшему образованию. Исходя именно из этих требований в период Третьей республики начал формироваться так называемый республиканский элитаризм.

### **Республиканский элитаризм**

Республиканский элитаризм – это концепция публичного образования, в которой признается свободный доступ каждого к образованию и культуре. В процессе реализации этой концепции новая «аристократия» формируется не по принципу происхождения или иных привилегий, а благодаря полученным знаниям и компетенциям. Иными словами, говоря о новом элитаризме, республиканцы подразумевают выявление «лучших» (такова была перспектива, перед которой в 1793 г. отступили якобинцы), но при условии, что в их числе потенциально может оказаться каждый человек,

безотносительно к происхождению, национальной, религиозной и пр. принадлежности. Однако почему этот элитаризм называют «республиканским», а не, к примеру, «демократическим»? На этот вопрос можно ответить по-разному. С одной стороны, это объясняется интеллектуальной историей Франции, где все положительные новшества принято называть «республиканскими», поскольку национальная идентичность во французском сознании непосредственно связана именно с установлением республиканской формы правления. С другой стороны, эта республиканская самоидентификация французов может быть вписана в интеллектуальную и политическую традицию, исторически не связанной исключительно с Францией – традицией философско-политического осмысления проблемы установления наилучшей формы правления, восходящей еще к Аристотелю. В рамках этой традиции в данном контексте особенно важно выделить две ключевые идеи.

Первая состоит в том, что данный политический режим сопровождается признанием всеобщей свободы, т.е. народ – это совокупность свободных индивидов в том смысле, что правление должно осуществляться в интересах каждого и одновременно во имя всеобщего блага. Именно поэтому понятие «элитаризм» в контексте обсуждения перспективы публичного образования обозначается как республиканский.

Вторая идея также восходит к Аристотелю и состоит в том, что эффективность политической системы зависит от достоинства граждан, следовательно, нужно создать условия для формирования элиты из массы, что будет выражаться в выявлении «лучших» в процессе обучения. И тогда республиканский элитаризм превращается в элитаризм меритократический, о чем писал Дж. Ролз в своей «Теории справедливости», выделяя в качестве второго основополагающего принципа справедливости «равенство шансов». Он отмечает, что доктрина меритократии сама по себе есть ответ на демократическое требование равенства шансов, поскольку изначальные условия существования человека предполагают неравенство, хотя принцип личного достоинства может иметь место в той или иной теории соци-

альной справедливости. Отсюда и его убеждение в том, что по своей сути меритократизм служит исключительно оправданию дискриминации по отношению к тем, кто находится в неблагоприятных условиях, и что изначально существует такое количество неравенств, что одно провозглашение свободного доступа для всех к образовательным и культурным ресурсам не может привести к фактическому соблюдению равенства шансов. Таким образом, между республиканизмом и этикой добродетели и долга существует тесная взаимосвязь, что объясняет возросший в последние годы интерес к концепциям И. Канта и неокантианцев. Эти философские отсылки имели место, к примеру, в работах о «республиканском либерализме» Ж. Барни и «республиканском элитаризме» Л. Лиара.

### **Универсальность образования или его специализация?**

Начиная с 1875 г., Л. Лиар, ректор Канской и Парижской Академий, не раз указывал на необходимость «ставить науку в центр профессионального образования» для того, чтобы, во-первых, сделать общедоступными научные теории, без которых немислимо достижение высокого профессионализма в той или иной области, и, во-вторых, чтобы избежать исключительной эмпиричности и прагматичности знания. Под эмпиризмом Лиар понимает «сырой факт без его осознания».

Идея университета в самых разных ее трактовках связана, прежде всего, с формированием интеллектуальной элиты общества. Специфика понятия «республиканская элитарность», введенного Лиаром и широко используемого в республиканской идеологии университета, состоит в том, что массовые ожидания по отношению к университетскому образованию основывались на общем стремлении к получению профессии, причем лишь небольшая часть выпускников университетов занимались собственно научными исследованиями. Узкая специализация той или иной профессии, конечно, способствует прогрессу знания, но лишь в той мере, в какой теория находит применение в практике, тогда как теория не обязательно имеет практическое воплощение своей конечной целью. Так, ценности совре-

менной политической идеологии, сформировавшейся под влиянием Французской революции, такие, как, например, идеал образовательной эффективности, легли в основу идеи республиканского университета, реализующего принцип «равенства шансов» при доступе к высшему образованию. Таким образом, Лиар отстаивал идею профессионализации университетов на «высоком уровне».

Чтобы понять, какую цель преследовали республиканцы, претворяя в жизнь эту идею университета, необходимо уточнить смысл понятия «тотализация знания» через академическую структуру, организованную по принципу «энциклопедии». Важно подчеркнуть, что, описывая случай французского университета, Лиар часто отсылает к модели немецкого университета В. фон Гумбольдта и не раз отмечает, что задача нового университета состоит вовсе не в энциклопедизме и не в эклектизме, а в углублении профессиональных специальных знаний и навыков, что он обозначает как «метод высшего образования». И тогда оказывается, что высшее образование для Лиара есть ни что иное, как своеобразный метод, состоящий в «воспитании духа на базе познания деталей», а также в «прививании студентам способности выносить собственные суждения и быть источником собственных идей». Под последним Лиар понимает не продуцирование сугубо утилитарного знания в рамках той или иной узкой специальности, а способность интегрировать это узкое знание в более широкий контекст. Таким образом, рассматривая «метод высшего образования» в условиях создания не закрытых факультетов, существующих по своей собственной логике, а университетов как площадки для сосуществования в тотальности отдельных сфер научного знания, Лиар добавляет, что этот метод характеризует также и логику самой науки. Именно поэтому, с его точки зрения, высшее образование носит характер «универсального», а не факультетского, т.е. узкоспециализированного. В этом смысле республиканская философия основывается на методе, понимаемом как метод расширения, или универсализации. Тогда как современное понятие науки связано как раз не с универсальностью, а со специализацией<sup>3</sup>. И с этой точки зрения, если университет служит «примирению,

сплочению, объединению», то «прогрессивное развитие современной науки этому мешает».

Лиар говорит, что специализация в науке не менее необходима, нежели в индустрии, при этом «специализация не представляет собой разделение, различие или изоляцию». Напротив, «наука проникает в бесконечные детали вещей». Узкая специализация, которая не опирается на более широкие и фундаментальные идеи, ограничивается познанием лишь очень узкой области реальности, причем, не понимая ее до конца. Таким образом, во имя прогресса необходимо дать науке метод, который преодолел бы недостатки узкой специализации, избегая ее подводных камней. В итоге университет, в котором «отдельные специальности подчинены общей культуре», и должен обеспечить эту теоретическую основу познания, что достижимо лишь при условии, что частное знание вписывается в общую логику знания как нечто целого, т.е. знания общих законов и того, что отдельные факты не всегда объясняют общие закономерности. Научное знание — это знание того, из каких общих законов происходят отдельные закономерности, выявленные в рамках той или иной науки, того, как эти закономерности связаны с общим законом. Таким образом, идея республиканского университета основана на философии научного прогресса, которая обязана своим содержанием господству этой позитивистской концепции человеческого знания.

### **Идея республиканского университета и позитивизм**

Позитивизм сформировал «официальную республиканскую идеологию»<sup>4</sup> в двух аспектах. Во-первых, его убежденность во внутреннем единстве знания. Апелляция к Контю давала уверенность, что, несмотря на различие между частными науками, область знания организуется в континууме. Именно эта уверенность позволяла Лиару говорить о «научном методе», общем для всех дисциплин и годном для использования во всех науках. На основании чего, по О. Контю, модель научности основывается на физико-математической точности. Эта черта одинаково характерна как для позитивистской концепции науки, так и для республиканского идеала университета. В этом смысле позитивизм сыграл для



университета роль, аналогичную той, которую сыграл философский идеализм в истории немецкого университета веком раньше. В обоих случаях именно тематика единства знания была в центре реорганизации университета как универсализирующей знание структуре. Конфликт факультетов может быть рассмотрен, с одной стороны, в интересах философии и гуманитарных наук (которые немецкая традиция называет «науками о духе»); а с другой стороны, в интересах физико-математических наук. Причем, оба проекта академических миров во Франции были отклонены.

Во-вторых, научный прогресс разворачивается во времени, хронологически, постепенно классифицируя научное знание не от универсального к частному, но от простого к сложному, что было несколько затруднительно для большинства наук, особенно для социологии. Если есть непрерывность между различными областями знания, которые являются звеньями одной цепи, посредством которой человеческий дух развивал свои возможности, то и интеграцию различных факультетов можно рассматривать как условие их органической целостности. Защищать факультетскую логику против логики университетской было бы равнозначно борьбе против прогресса разума и науки, т.е. против прогресса человечества. Таким образом, теория познания основывалась непосредственно на определенной университетской политике.

### **Университет — механизм производства элиты?**

Что стало с этой идеей век спустя? Какова судьба республиканской элитарности? Это предмет отдельной статьи. И все-таки то, что вызывает сегодня немалые споры у участников дискуссии об идее университета Лиара, так это его убеждение в том, что организация любого университета должна быть нацелена на формирование элиты<sup>5</sup>. Так, если любой университет, начиная с бакалавриата, осуществляет свою деятельность именно с этой целью, то оказывается, что вся система образования должна быть ей подчинена. Ничто не указывает на то, что образование, ориентированное на выделение тех, кто «посвятит свою жизнь научным исследованиям», подойдет также и для всех остальных, чья цель —

практические навыки. Проблема не в том, насколько они смогут к нему приспособиться, а в том, насколько такое образование будет полезно в реализации конкретных профессиональных задач большинства людей, окончивших университеты, не имея цели в дальнейшем заниматься наукой. Здесь имеется сложность, которая постоянно обнаруживает себя во французской системе образования в целом, и не только в университетах. Она состоит в рассмотрении и организации ее сверху донизу в телеологической манере, т.е. с точки зрения выделения конечной цели (в массе выявлять элиту).

Так, чтобы свести это наблюдение к университету, зададимся вопросом: совпадут ли его задачи по выявлению элиты с необходимостью обеспечения лучшего по возможности образования для всех студентов? Мы никоим образом не претендуем на то, чтобы вообще отказать университету в производстве элиты, как и не утверждаем, что элиту нужно формировать, исходя исключительно из ее социальной функции. Однако именно в этом состоит принципиальная сложность идеи республиканской элитарности, что а priori нет никаких оснований для того, чтобы эта вполне понятная задача повлияла на реструктуризацию всей системы образования «для всех». Как не согласиться с этим, когда республиканский университет пытается обеспечить «выявление элиты» в «массах». Элитаризм возможен в условиях реализации республиканской программы, но только в том случае, если он предполагает общедоступность высшего образования и вместе с тем создает условия для выявления «лучших».

Американский философ и публицист А. Блум в книге «Безоружная душа» (1987) высказал пессимистический взгляд на дальнейшее сохранение университетом его аристократической сути в условиях утверждения принципа всеобщего равенства. Так «в Соединенных Штатах Америки равенство привело к отказу от какого-либо превосходства». Однако такого рода пессимизм может быть преодолен в том случае, если принять во внимание двойкость «республиканского элитаризма»: речь идет именно об элитаризме, т.е. выявлении лучших, но этот элитаризм носит республикан-

ский характер, ибо утверждает, что каждый имеет право оказаться в числе «лучших». Однако это возможно только при том условии, что оба требования, потенциально антагонистические, предполагают, что университетский элитаризм не является простым продолжением социального. Иначе критика «республиканского университета», например, критика П. Бурдые, оказывается неизбежной, поскольку меритократия, составляющая цель республиканского элитаризма, в основе своей имеет простой социальный отбор.

Таким образом, достаточно оснований, чтобы не соглашаться с идеей «разрушения университета», высказанной Блумом, и все-таки поразмышлять над идеей американского политолога Б. Барбера об идеале университета как «аристократии для всех» («Аристократия каждого. Образовательные политики в Америке», 1992). Однако дилемма республиканского элитаризма состоит в том, что если лишить университет его главной функции — формирования элиты, то сама идея университета лишится своего смысла, при этом, отказ от республиканского понимания элитаризма приведет к тому, что элитарность будет снова определяться социумом, а не личными достоинствами. Каковы перспективы «республиканизма без элиты», который, например, во Франции проявляется в создании массовых публичных университетов, не отвечающих требованию высокого уровня образования?

Теоретическое осмысление этого вопроса имеет практические цели, а именно — определение основных ориентиров университетской политики (или политики в области университетов), которая должна реализовывать принцип равенства шансов. Так, высшее образование в ряде европейских стран (исключая британские университеты) предоставляется на почти безвозмездной основе. Речь идет о непосредственном финансовом участии потребителей образовательных услуг в оплате этих услуг. Так, во Франции, образование является бесплатным, оплачивается лишь страховка, право пользования библиотекой и т.п., что является продолжением общей логики закона от 1896 г., согласно которому университет является общественной структурой.

Вместе с тем ситуация с высшим образованием во

Франции в перспективе утверждения республиканского идеала элитаризма выглядит несколько двусмысленно. Это связано со статусом так называемых Высших школ, которые отнюдь не соответствуют принципу открытости, а, напротив, утверждают два вида селективного отбора. Во-первых, прием в Высшие школы, в отличие от университетов, осуществляется на основе специального конкурсного отбора, при том что не существует ограничений по национальному, религиозному и прочим признакам, указывающих на дискриминационный характер данного конкурса. Во-вторых, существуют так называемые подготовительные классы в Высшие школы, поступление в которые предполагает, что семья учащегося хорошо осведомлена о принципах функционирования этой системы. Не разделяя убеждения П. Бурдые в том, что слушатели Высших школ являются «наследниками», формирующими в дальнейшем «государственную знать», хотелось бы отметить, что такое «равенство шансов» и с точки зрения теории Дж. Ролза не является справедливым.

Однако практика Высших школ, предоставляющих образование высокого уровня, отвечающего потребностям современного рынка, ставит вопрос о том, не могут ли отдельные случаи дискриминации быть рассмотрены как позитивные? В истории университета начиная с 1960-х гг. уже велись дискуссии по этому поводу и касались они преимущественно американских университетов. Парадоксальность ситуации в высшем образовании в США состоит в том, что здесь был найден компромисс между идеей республиканской элитарности и формами дискриминации, признаваемыми в качестве позитивных в рамках демократического государства. Однако и во Франции существуют примеры такого сочетания — Институт политических исследований в Париже и Высшая коммерческая школа.

Нормально функционирующий университет является гарантом устойчивости демократии и республики. И именно в этом качестве он является объектом государственной политики. Во Франции демократический режим утвердился прежде, чем люди стали чувствовать себя гражданами демократического государства, что, как известно, не преминуло сказаться на республиканцах в период II Республи-

ки. Французский исследователь Э. Мане в книге «Образование буржуазии во времена Республики» писал: «Чтобы излечиться, по нашему глубокому убеждению, нам необходимо привести в согласие педагогический режим с режимом политическим. Наполеон задумывал свой университет как место производства функционеров и солдат; создадим же наш для формирования граждан...»<sup>6</sup>. Современная демократия нуждается не только в армии, но и в новых «интеллектуалах» — понятие, которое появилось благодаря «делу Дрейфуса» и которое по сей день, как показал К. Шарль в работе «Республика университетских преподавателей», является одним из ключевых в осмыслении властных отношений. Эти интеллектуалы и должны быть той самой «аристократией в демократии», о которой ведется столько дискуссий.

Новая аристократия не есть социальный класс, присваивающий себе функции элиты. Требование демократии состоит в том, что каждый может стать «буржуа» благодаря образованию и личным достоинствам, встать во главе государственной власти. Республиканский элитаризм и соответствующая ему политическая система, меритократия, рассматриваются, таким образом, как необходимые средства для совершенствования управления демократическим государством. Эта концепция стала следствием критического анализа аристократической системы, идея которой активно претворялась в жизнь еще с XVIII столетия, и одновременно постановки под сомнение системы покупки прав и обязанностей буржуазии в конце Старого режима, что заведомо создавало более благоприятные условия для рожденных в привилегированных и богатых семьях. Тогда как идея республиканского элитаризма, восходящая к Кондорсе, напротив, исходит из убеждения в том, что общественное образование должно стать ключом к индивидуальной эмансипации, а во главу угла должны быть поставлены личные заслуги каждого отдельного индивида.

Таким образом, согласно республиканской модели III Республики, реформирование университетов во Франции должно отвечать задаче увеличения эффективности государственного аппарата. В этой перспективе университет

предстает местом достижения консенсуса между различными политическими фракциями. Как правые, так и левые заинтересованы в преобразовании системы высшего образования, цель которого — обеспечивать Францию элитой, в которой она так нуждается. Для более консервативных политических сил, речь должна идти об обосновании условий и качества новой аристократии, в руках которой будет сосредоточена власть. Для самих же республиканцев, как говорил Гамбетта, цель состоит в формировании «нового класса» из массы, который способен укрепить демократические основы Французской республики.

*Примечания*

<sup>1</sup> *Boutmy E.* Quelques idées sur la création d'une faculté libre d'enseignement supérieur. Paris, 1871. P.5.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 6.

<sup>3</sup> *Liard L.* L'enseignement supérieur en France, 2 t. Paris: A. Colin, 1888; L'Université de Paris. Paris: A. Colin, 1909. P. 354.

<sup>4</sup> *Charle C.* La République des universitaires // *Op. cit.* Notamment. P. 179.

<sup>5</sup> *Liard L.* L'enseignement supérieur en France, 1789 – 1889. Paris: A. Colin, 1888, t. II.

<sup>6</sup> *Taine H.* Vie et opinions de F.-T. Graindorge. Hachette, 1867. P. 381.